

«НИ НА ЧЕЙ ЗОВ Я НЕ ПОЙДУ...»

Николай Семенович Лесков родился (4 (16) февраля 1831 года в селе Горохово Орловского уезда Орловской губернии, а умер 21 февраля (5 марта) 1895 г. в Петербурге. Он не любил зиму, особенно в последние годы жизни – его мучила тяжелая болезнь. Но эта нелюбовь к зиме – было единственное «нерусское» в его характере.

Его называли самым национальным из писателей России.

«Лескова русские люди признают самым русским из русских писателей, и который всех глубже и шире знал русский народ таким, каков он есть», – считал Д. П. Святополк-Мирский.

А.М. Горький писал о нем: «Лесков – это писатель с самыми глубокими корнями в народе, он совершенно не тронут какими-либо иностранными влияниями». Даже ходовые в его время слова-заимствования из иностранных языков Лесков так умел «уроднить» русскому, что они мгновенно «шли в народ». Он легко улавливал и органично передавал особенности речи персонажей из самых различных слоев русского общества, его произведения поражают невероятным стилевым разнообразием, творческим подходом к родному языку, который прощается и позволяется лишь тому, кто чувствует и понимает его богатство и словотворительные возможности во всей полноте и глубине. Важнейшей особенностью творчества Лескова является соборность понимания русской жизни: современный ему русский мир он воспринимает не в раздирающих его социально-исторических противоречиях, а в его целостности. Он всегда кровно сопричастен национальной русской жизни, в котором ощущает родовое единство, восходящее к древним временам, отстаивая «полноправство русского народа» (Русский мир. 1872. № 101. 21 апреля. С. 2-3, Н. Лесков-Стебницкий).

Николай Семенович происходил из семьи потомственных священников села Лески Орловской губернии. Его отец, Семен Дмитриевич, закончив семинарию, не пожелал стать священником, но Бога верил: «Религиозность во мне была с детства, и притом довольно счастливая, то есть такая, какая рано начала во мне мирить веру с рассудком, – писал Николай Семенович в «Автобиографической заметке». – Я думаю, что и тут многим обязан отцу. Матушка была тоже религиозна, но чисто церковным образом, – она читала дома акафисты и каждое первое число служила молебны и наблюдала, какие это имеет последствия в обстоятельствах жизни». Все его творчество основано на этой «счастливой религиозности», внушенной родителями. Лесков вырос в провинции: часть детства прошла в Горохово, имении

дяди, Страхова, где жила любимая бабушка Акилина Васильевна, но после обидного случая с «опольдекоковой грамотой» родители забрали Николашу в Орел. Через несколько лет – снова глухой уголок, Панин Хутор, куда Лесковы вынуждены были перебраться после отставки главы семьи со службы: Семен Дмитриевич «пошел на принцип» с губернатором. Мировоззрение его старшего сына Николая сформировалось причудливо: вначале дикие гороховские нравы и поездки с любимой бабушкой на богомолье по монастырям; в гимназическую пору – общение с незаурядными людьми в орловской гимназии и в салоне княжны Н.С. Масальской, располагавшей богатой библиотекой, в друзьях у нее числились А. В. Маркович, муж писательницы Марко-Вовчок, С. С. Громека и другие замечательные люди своего времени; затем – пестрый гостомысленский мир Панина Хутора и его окрестностей. «Живи родители в Орле, а он в своей семье, при властной и зоркой матери, дело шло бы иначе, – замечает в своей книге об отце Андрей Николаевич Лесков. – Но они далеко, в Панине. Отец, видимо, и вправду «не лих» и «не лют», можно его и не побаиваться. А юноша, как потом писал Семен Дмитриевич о своем первенце Д. Н. Клушину, «с характером сильным». Сильный характер, служба в орловской уголовной палате, в торговой компании Шкоттов («...я служил в одной торговой компании, имевшей дела по всему Поволжью от Астрахани до Рыбинска и далее по Мариинской и Тихвинской системам до Петербурга»), университетский Киев – и вот перед нами писатель, имеющий за плечами огромный опыт, не понаслышке познавший российскую действительность в орловских, пензенских, поволжских, малороссийских, и в целом великорусских «памятях» «от Черного моря до Белого и от Брод до Красного Яру» (Письмо Лескова к П.К. Щебальскому от 16 апреля 1871 г.). Общение с передовыми профессорами Киевского университета привило интерес к статистике (Д.П. Журавский), социологии, философии, политической экономии. Трехлетние деловые странствия по родной земле ознакомили с экономикой и бытовыми условиями всех слоев населения в самых различных участках России, со всем многообразием отраслей промышленности в каждой отдельной местности. В декабре 1860 г. он прибыл в Петербург – здесь его пригласил к сотрудничеству «Указатель», а в Москве ждала его статей графиня Е.В. Сальяс де Турнемир де

Турнефор, которая собиралась издавать умеренно-либеральную газету «Русская речь».

Лесков плохо ориентировался только на одном поле – политическом. «Собственные политические взгляды были сыроваты, во многом сбивчивы. Откуда им было быть иными? Чудаковатый отец в них не был искушен. Он мирился с существующим, отдыхая в обществе Квинта Горация Флакка. Дядя Алферьев – трезвенный скептик, врач без сторонней примеси. Дядя Константинов – «дворянин *jusqu'au bout des ongles*», до конца ногтей! Другой дядя – «радикал-практик» английской складки. Тоже не широки рамки. Глядя на них, слушая их, протекала жизнь до тридцати лет», – констатирует сын-биограф. Между «нетерпеливцами» и «постепеновцами» Лесков на первых порах выбрал последних, однако и к первым проявлял большой интерес.

Страстная натура, честный до самоотречения человек, вчерашний провинциал Лесков с головой ринулся в омут политических событий, столичных публицистических течений, борьбы разномысленных лагерей, взглядов, стремлений. «Это принесло плод обилен и горек».

Николай Семенович был покорён авторитетом тех, кто «обласкал» его в Петербурге: В.В. Вернадского – воплощение благомыслия, закономерности, равновесия, борца со «все отрицающим и над всем глумящимся направлением», неустанного полемиста с «Современником» времен Чернышевского, Усова, Краевского, Дудышкина. Одновременно Лесков с восторгом юноши увлекся «герценовским эмиссаром» журналистом Артуром Бенни и А.И. Ничипоренко, два года спустя погибшим в Алексеевском равелине Петропавловской крепости за сношения с Герценом и Огаревым. Вернадский ввел Лескова в «Политико-экономический комитет императорского Географического общества», в «Комитет грамотности при третьем отделении Русского вольно-экономического общества», познакомил с влиятельными лицами, и тот «усердно посещает всевозможные заседания, уверенно выступает на них по ряду земельных, крестьянских и экономических вопросов, навещает смертно больного Шевченко, закрепляет о днесь

цитируемое описание картины его угасания, его похорон, шлет бойкие корреспонденции в «Русскую речь» о столичных событиях и настроениях, сотрудничает в «Указателе экономическом», а в марте 1861 года уже дебютирует сразу тремя статьями в «толстом» журнале Краевского и Дудышкина «Отечественные записки» («Жизнеописание Николая Семеновича Лескова, составленное его сыном Андреем Николаевичем Лесковым»). Он страстно призывает бороться с пьянством и торговой кабалой, с колониационным расселением малоземельного крестьянства, сохранять леса и здоровье народа, уравнивать в правах евреев и учиться у раскольников, резко осуждает привилегии дворян, защищает интересы и права низших классов, противостоит Каткову, В.И. Аскоченскому и аксаковскому «Дню» по национальному и иным вопросам. «В один зимний полусезон он выдвигается в ряды заметных публицистов, общественных фигур Петербурга и Москвы», – пишет сын. Но фортуна уже начала поворачивать свое колесо в другую сторону. Только Лесков этого еще не знал. В 1861 г. в Москве, в редакции «Русской речи» происходит реорганизация: с 39-го номера газеты от 18 мая 1861 года Евгения Тур, оставаясь издателем, уходит с поста редактора, ее место занимает Е.М. Феоктистов, а к названию газеты прибавляется «Московский вестник». Лесков едет навестить первопрестольную. Ему поручают ведение «внутреннего обозрения», с окладом 1200 рублей в год при особой оплате личных статей и заметок. Все шло замечательно, пока осенью не явилась оставленная им в Киеве супруга Лескова Ольга Васильевна Смирнова. По отзывам родни мужа, «в ней не было ума, сердца, выдержки, красоты», к тому же она была крайне нестабильна психически, а Николай Семенович не отличался мягкостью и уживчивостью. Вскоре отношения с редакцией были вконец испорчены, к врагам примкнул и А.С. Суворин, «не пожалевший самых поносительных отзывов о Лескове в письмах, посылавшихся им в эту пору воронежскому приятелю М.Ф. де Пуле, а затем очень долго сколько мог и как умел вредивший Лескову и полемически бесславивший его». Но договор есть договор – еще долгих два года Лесков вынужден «отработать» на «Речь», а затем окончательно переселяется в Петербург. «Московские события стоили ему крови...» – констатирует сын. В Петербурге Лесков по-прежнему — под перекрестным огнем

выпадов и рикошетов: «С тех пор, как я пишу, меня только ругают». Он порывает с «Русским вестником» и его редактором Катковым, объявив последнего «человеком вредным для нашей художественной литературы». Николай Семенович писал М.А. Протопопову:

«Разошлись вежливо, но твердо и навсегда, и Катков тогда опять сказал: «Жалеть нечего – он совсем не наш». Он был прав, но я не знал: чей я?»

И вот 30 мая 1862 года в «Северной пчеле» появляется передовая статья Лескова о петербургских пожарах – и вызванная ею лавина откликов в наиболее влиятельной части столичной прессы уничтожает Лескова. Разразилась катастрофа, трагически подорвавшая литературное положение писателя почти на два десятка лет, искалечившая его жизнь. Гонения на Лескова начались со всех сторон. Строки «чтобы присылаемые команды являлись на пожары для действительной помощи, а не для стояния» – вызвали гнев самого царя Александра II, он написал на полях газеты: «Не следовало пропускать, тем более что это ложь». Опубликовано в «Пчеле» не слишком отличалось от подобных материалов в других газетах – «Наше время», «Современное слово», «Иллюстрация», «St. Petersburger Zeitung», «Время», не говоря уже о «Русском вестнике», «Современной летописи», «Домашней беседе» и т. д. Имел место поджог или нет, а если имел, кто в нем был виноват – уже не играло роли. С одной стороны (длинноволосый, носящий «криминальную» в те времена косоворотку) он навлек на себя недовольство властей, поддерживая контакты с Ничипоренко, Кельсиевым, Слепцовым, Елисеевым (в делах канцелярии санкт-петербургского обер-полицмейстера значилось: «Елисеев, Слепцов, Лесков. Крайние социалисты. Сочувствуют всему антиправительственному. Нигилизм во всех формах»). С другой – на него обрушилась «передовая интеллигенция», считавшая, что он написал «пасквиль на демократическую молодежь». Разумеется, это был не пасквиль, Николай Семенович просто честно и, как всегда, чересчур страстно выразил свое мнение. «Терзательства» писателя из-за произошедшего продолжались всю жизнь, они «засели» у него «в печенях». «Это меня разбило и нравственно и физически», – признавался он. «Это была незаживляемая, неослабно кровоточащая

рана. Она была тем больнее, что упорно почиталась им незаслуженной», – добавляет сын. Она и была незаслуженной. Через тридцать лет после его смерти за писателя вступился А.М. Горький:

«Литературная деятельность Лескова началась тяжелой для него драмой, которая могла бы и не разыграться, если б русские интеллигентные люди умели относиться друг к другу более внимательно и бережно, – что и до сего дня необходимо, ввиду количественного ничтожества интеллектуальных сил в нашей стране. Но издревле русские люди болеют стремлением «разбрестись» розно, и в первый же год своей работы в Петербурге Лесков получил удар в сердце, совершенно не заслуженный им».

Прослышав про «высочайший гнев», газета чуть не «сдала» своего сотрудника, начав униженно оправдываться, но скоро нашелся достойный выход из положения – Лескова убрали с глаз долой, отправив в длительную командировку в качестве корреспондента газеты: Литва, Белоруссия, Украина, Польша (австрийская), Чехия, и наконец – Париж. Поездка удалась: он забыл о травле, жадно познавая жизнь, быт, литературу братьев-славян; он читает, беседует, выступает, переводит на русский язык славянское предание «О двенадцати месяцах», записанное чешской писательницей Божей Немцовой, новеллу Мартина Бродского о чешском сельском учителе и его дочери «От тебя не больно». Не разочаровала писателя и Франция.

Весной 1863 г. Лесков возвратился в Россию и по поручению министра народного просвещения А.В. Головнина направился в Ригу для обследования старообрядческих школ. Материалы поездки легли в основу статей: «Раскольничьи школы», «С людьми древнего благочестия» и многих других. Но очередной сравнительно спокойный период его жизни снова закончился быстро.

Уже годом ранее Николай Семенович заявил о себе как о ярком писателе тремя рассказами: «Разбойник», «Погасшее дело» (впоследствии – «Засуха») и «В тарантасе». В 1864-м в условиях острой политической борьбы он опубликовал роман «Некуда». И снова навлек на себя гнев и пресловутой «передовой русской

общественности»: этими Лесков был провозглашен злейшим из реакционеров; в романе усмотрели уже не просто нападение на новые идеи, а прямой донос. Писарев яростно призывал к ostracism: «Найдется ли теперь в России, кроме «Русского вестника», хоть один журнал, который осмелился бы напечатать на своих страницах что-нибудь выходящее из-под пера Стебницкого и подписанное его фамилией и найдется ли в России хоть один честный писатель, который будет настолько неосторожен и равнодушен к своей репутации, что согласится работать в журнале, украшающем себя повестями и романами Стебницкого?» Это была настоящая литературно-гражданская казнь. И «убивали» Лескова лишь за то, что в 3-й части «Некуда» он описал один из кружков крайнего направления, игравших наиболее деятельную роль в его травле после истории с петербургскими пожарами. «Знаменскую коммуну» популярного тогда писателя В.А. Слепцова – общую квартиру нескольких «литературных тружеников и тружениц» – узнали все. И хотя в более поздних антинигилистических романах писателей той эпохи, да и у самого Лескова («На ножах»), обличительные мотивы звучали гораздо жестче, именно «Некуда» «прогрессисты» превратили в некий реакционный жупел, которым только что не пугали детей. Тотальное шельмование Лескова привело к тому, что всякий телеграфист или лавочник, последний писец в захолустном присутствии, мнившие себя «революционэрами», считали своим долгом оплевать его имя. Снова было недовольно писателем и правительство – его буквально выкинули со службы в Министерстве просвещения. Лесков написал в газету «Новости»: «Я отчислен от Министерства «без прошения» по причинам, лежащим совершенно вне моей служебной деятельности, которая в течение десяти лет признавалась полезной (...) Для оставления службы мне не вменено никакой вины, а указано только «несовместимость» моих литературных занятий с службою». Николай Семенович тяжело переживал этот период...

«Лескову не стоило бы особенного труда отвратить столь странное завершение своей карьеры; но он с радостью принял отставку, видя в ней подтверждение своей уверенности, что он человек вполне независимый, ни к какой «партии» не примыкающий, и по тому самому осужденный во всех партиях возбуждать

неудовольствие и оставаться одиноким, без друзей и покровителей», – считает Валентина Гебель.

Ни разу он не пожелал отметить круглую дату своей литературной деятельности – и тогда, когда ему предлагали отметить тридцатилетие «на литературной ниве», и на десять лет ранее, и на пятнадцать. Отношение к нему сотоварищей-писателей он ставил весьма невысоко и ни во чью искренность давно не верил. Особенно когда собратья по перу принимались превозносить его талант и заслуги перед отечественной литературой. «Мне стало известно, что друзья мои из литературной и артистической среды положили устроить мне праздник по поводу совершившегося тридцатилетия моих занятий литературою...» Это вызвало у него ужас: «Избави Бог нас от друзей, а от врагов мы и сами защитимся». «Многоуважаемый Алексей Сергеевич! – написал Николай Семенович Суворину по поводу его запроса: «Как лучше отметить 35-летний юбилей литературной деятельности Лескова?» – Я всеусерднейше прошу Вас знать, что **я ничего не хочу и ни за что ни на чей зов не пойду**». Но написал он эти слова не от обиды и обозлённости – от великой мудрости понимания: человек в этом мире одинок...

Критика о нем молчала, «передовая интеллигенция» не желала признавать в нем великого русского писателя. Только ошеломляющий успех полного собрания его сочинений несколько исправил несправедливость по отношению к этому крупнейшему художнику слова. У него были такие читатели и почитатели, которые стоили тысяч «передовых» врагов: А.П. Чехов говорил, что очень многим обязан ему, в его рассказах о русской провинции, о быте купечества, мещанства, интеллигенции, ощущаются традиции Лескова, в ранних юмористических произведениях Чехова явственно ощущается художественное влияние лесковских «Чертогона», «Штопальщика», «Маленькой ошибки». Максим Горький считал Лескова одним из своих литературных учителей: «Я думаю, что на мое отношение к жизни влияли – каждый по своему – три писателя: Помяловский, Глеб Успенский и Лесков... Я думаю, что именно под влиянием этих трех писателей решено было мною самому пойти посмотреть, как живет «народ». По-лесковски выстроены хроники

провинциальной жизни старой России в «Городке Окурове», «Матвее Кожемякине, лесковская плеяда «праведников» продолжена горьковскими образами «чудаков» и «правдоискателей». Позже лесковские мотивы зазвучали в творчестве советских писателей, например у раннего Л. Леонова, В. Иванова, П. Бажова...

И всегда любил и читал своего, исконно русского писателя, народ: «Соборяне», «Легенда о Памфалоне», «Запечатленный ангел», «Очарованный странник», «Житие одной бабы», «Сказ о Левше», «На краю света», знаменитые лесковские «Праведники», включавшая «Несмертельного Голована», «Однодума», «Шерамура», «Инженеров-бессребренников», «Пугало» и другие произведения, многократно выходили большими тиражами и раскупались очень быстро. Горький скажет: «Он писал не о мужике, не о нигилисте, не о помещике, а всегда о русском человеке, о человеке этой страны. Каждый его герой – звено в цепи людей, в цепи поколений, и в каждом рассказе Лескова вы чувствуете, что его основная дума – дума не о судьбе лица, а о судьбе России».

Миллионы людей зачитывались произведениями Лескова, пробуждавшими в их сердцах христианскую любовь к ближнему, гордость принадлежности к великому русскому народу. Эта любовь народная не имеет границ и длится вот уже более полутора веков. «Лесков – писатель будущего», – говорил Л.Н. Толстой. Это будущее наступило. И пророчество Толстого сбылось. Но снова, как и при жизни, Лесков стал неуютен чиновникам! Со следующего года в некоторых школах России вводится программа по литературе, откуда исключен Лесков (а также Алексей Толстой и Александр Куприн). В книжных магазинах Москвы продается новая программа по литературе, составленная Российской академией образования (РАО). Ее создали «с учетом новых образовательных стандартов». Из авторов, которые не были обязательны, но традиционно изучались в старших классах, в программу не вошли Виктор Астафьев, Николай Рубцов, Александр Вампилов, вместо них и Лескова с Куприным в обязательную программу вошли 16 писателей: помимо Василя Быкова, Виктора Некрасова, Валентина Распутина, Василя Шукшина и Юрия Трифонова, еще и Анатолий Гладилин, Людмила Улицкая, Виктор Пелевин, Владимир Маканин,

Василий Аксенов, Юрий Бондарев, Юрий Домбровский, Фазиль Искандер, Асар Эппель, Анатолий Рыбаков, Юрий Рытхэу. Они теперь являются «ориентиром для составления рабочих программ по учебному предмету и определяют инвариантную (обязательную) часть содержания образования», говорится в предисловии, т. е. сочинения этих авторов войдут во все учебники литературы и в задания ЕГЭ. Кандидат филологических наук, заведующий редакцией литературы издательства «Русское слово» Алексей Федоров, действующий учитель литературы, с горечью отозвался на подобную «модернизацию»: «Лесков – колоссальная потеря, особенно на фоне введения Пелевина. Это неоправданно для школьного образования. Здесь речь идет не о читательских предпочтениях, которые формируются, которые меняются. Речь идет о школьном списке, о том, с чем должен познакомиться каждый ребенок, о той самой классике, которая не зависит от наших читательских предпочтений. Так сложилось: Лесков – классик. Если ты хочешь чувствовать свою национальную идентичность, принадлежность к национальной культуре, ты обязан знать Лескова».

Злою волею отдельных людей, наши дети могут уже никогда не почувствовать себя в полной мере русскими, так и не обрета сокровищ лесковского языка и духа. А ведь многие из его произведений сегодня настолько же остры и актуальны, как и при жизни Николая Семеновича. Да и сама его жизнь – пример крестного пути русского «честного человека», искавшего пути к собиранию русского народа. Автор «Соборян» и сам был в сакральном смысле соборянином, понимая соборность как разделенное на отдельных индивидуумов множество, собранное силой христианской любви в свободное и органическое единство – народ.

Наталья Лясковская

